

Гайдар Аркадий Петрович

Табель о рангах

Аркадий Гайдар
Табель о рангах

Раньше было проще. Упомянутый табель ясно указывал чиновнику его место в запутанной канцелярии Российской империи. Каждый сверчок знал свой шесток. И с этого исторического шестка он или "покорнейше" свиристел, обращаясь к особам, восседавшим выше него, или громоподобно рычал на тех, кои волею судеб занимали нижние ступени иерархической лестницы.

Ставший теперь нарицательным именем, достопримечательный титулярный советник, имея необходимость обратиться к высокой особе, начинал приблизительно так:

"Ваше Высокопревосходительство! Имею честь покорнейше просить соизволить обратить благосклонное внимание" и т.д.

Если письмо писалось не к превосходительству, а просто к благородию, то можно было с успехом, не нарушая правил чинопочитания, пропустить из упомянутого обращения слова "покорнейше", "соизволить", а также можно было похерить и "честь". Благородие - не велика шишка, обойдется и без "чести". Если же обращение адресовалось к лицу маленькому, незначительному, то соответственно этому менялся и тон письма. Например:

"Городовому Гапкину.

Их высокблагородие приказали предупредить: если от тебя будет и впредь разить водкой и луком, а от сапог твоих колесным дегтем, то он турнет тебя, мерзавца, всыпав предварительно суток двадцать ареста".

Коротко и ясно. И на сем понятном языке хорошо и спокойно пересвистывались титулованные насекомые со своих насиженных шестков.

"Табель о рангах" ныне уничтожен, но сами чиновники живучи и, следовательно, чиновничьи традиции - тоже. Правда, хитрый чиновник не растерялся и составил, так сказать, неписанный табель.

Скажем, председатель губисполкома - это вроде губернатора. Военный комиссар - воинский начальник. Председатель горсовета - глава городской управы. Завгубсоцстрахом - попечитель богоугодных заведений. Завженотделом... гм... это, конечно, труднее. Ну, скажем, дама-патронесса председательница общества призрения одиноких женщин и т.д.

И, руководствуясь указанной классификацией, советские чиновники свято блюдут иерархические обычаи. Подумать только, сколько голов задумывается над тем, как составить бумажку: "прошу" или "предлагаю", "приказал" или "распорядился", "к выполнению" или "к руководству".

И часто, отыскивая форму наиболее подходящего обращения, эти чиновники забывают о сути и смысле бумаги, соблюдая лишь, чтобы сама формула строго соответствовала достоинству переписывающихся учреждений или лиц.

Что получается, когда кто-либо, не искушенный в тонкостях чиновничества, допустит промах, с достаточной ясностью показывает следующий факт.

Обыкновенный и не слишком ученый рабочий, председатель месткома транспортников № 9 составил корявую, но дельную бумажку и направил ее начальнику разъезда Шелекса. Он указывал, что почта и газеты, адресованные в местком, выдаются начальником кому попало и поэтому часто пропадают. Причем предместкома неосторожно "предложил" начальнику выдавать корреспонденцию только лицам, снабженным соответствующими удостоверениями.

Гнев и ужас охватили изумленного начальника. Нарушены все правила субординации. Попраны устои неписаного табеля о рангах. Подан пагубный пример для общественной нравственности. Открыто пахнет духом анархии и безначалия - ему, титулярному начальнику разъезда, "предлагают"! Имеет ли право местком предлагать, в то время, когда в силу своего незнатного происхождения он может только "покорнейше просить"?!

И рьяный начальник, не входя в деловое обсуждение вопроса, дает достойный ответ забывшимся месткомовцам. Вот дословно его резолюция, торопливо написанная ядовитым жалом оскорбленного пера:

"Предлагать вы можете:

1. только своей жене.
2. своим подчиненным, если у вас таковые имеются..."

Засим следует точка и подпись с росчерком. За подписью же следует наше недоумение: почему начальник оказался столь мягким, что ограничился только отповедью? Надо было привлечь местком к суду за оскорбление, надо было раз навсегда отбить охоту у неискушенных людей обходить законы канцелярских традиций. Надо было, чтоб "действительные тайные" и "действительные явные" бюрократы воспрянули духом и почувствовали, что их корпоративная честь находится не только под охраной неписаных, но и писаных законов. В конце концов, можно внести соответствующие дополнения в уголовный кодекс.

Чтобы каждый рожденный "просить" не имел права "предлагать". Чтобы беспартийный, например, не смел хитро подписаться в конце письма "с коммунистическим приветом".

Надо разделить приветы на категории: 1) простые, 2) гражданские, 3) товарищеские, 4) коммунистические. Разбить просьбы

на: 1) простые, 2) почтительные, У) покорнейшие.

И надо строго регламентировать, кто и каким обращением имеет право пользоваться. Тогда не будет недоразумений и головоломок.

Если неудобно будет провести это в законодательном порядке под видом положения "о советском чиновничестве", то можно попробовать протащить под маркой рационализации и стандартизации канцелярских взаимоотношений.

"Волна" ("Правда Севера"), Архангельск, 1929, 3 января